

СКВОЗЬ ПЛАСТ ВРЕМЕН

В НАУКАХ о прошлом Камчатки существует немало недосказанностей. Не будем говорить о «дорусском» периоде истории народов полуострова, который восстанавливается лишь по данным археологии и фольклора. Даже сравнительно недавний период открытия и начального освоения Камчатки известен нам далеко не во всех деталях, хотя надо отдать должное русским землепроходцам, оставившим обстоятельно изложенные свидетельства своих походов.

Далеко не все из этих бесценных документов сохранились. Погибшие в пожарах древние архивы, тенденциозность дореволюционных ученых — да мало ли различных причин тому, что цепь исторических событий прошлого лишилась многих звеньев.

Кто из русских первым проник в земли пенжинских и олюторских коряков или добрался к берегам Камчатки морем, миновав «необходимой чукотский нос»? Откуда пошло название «Камчатка»? Наука и поныне не может с полной определенностью ответить на этот вопрос, хотя решение данной проблемы положило бы конец многим спорам. Достаточно вспомнить, что до сей поры некоторые японские геополитики претендуют на японское происхождение названия «Камчатка».

И, наконец, кто были эти люди — первопроходцы камчатской земли? Каков был их образ мыслей, характеры, побуждения, поступки? Что двигало ими?

На эти вопросы вместе с наукой отвечает художественная историческая литература. О важности и сложности ее задач писал в свое время еще Белинский, призывавший раскрывать «индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и высшей его жизни со всеми ее типическими красками и родимыми пятнами».

КАМЧАТСКИЕ литераторы, к сожалению, крайне редко обращаются к прошлому нашего края. В равной степени это характерно и для прозы, и для поэзии. Между тем, интерес к этой теме огромен: исторические произведения о Камчатке на прилавках не залеживаются. Так произошло и с книгой Евгения Гропянова «За переливы», выпущенной Камчатским отделением Дальневосточного издательства.

Книга объединяет несколько работ автора, и основная из них — повесть «Атаман», уже известная нашему читателю в раннем, отдельном издании. Она посвящена Владимиру Атласову, личности в истории Камчатки значительной, колоритной, привлекающей в свое время пристальное внимание А. С. Пушкина.

Интерес к Атласову, его многотрудным походам не случаен. Эпоха великого движения русских землепроходцев через неведомые восточные пространства ковала характеры

цельные, сильные, оставившие о себе память благодарную и долгую. Отчетливо сознавал это Пушкин, изучавший незадолго до своей гибели «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и поставивший Владимира Атласова в один ряд с легендарным Ермаком.

Понятен интерес к этой теме и молодого камчатского прозаика Евгения Гропянова, хотя он со всей очевидностью признавал все сложности, встающие на его пути. Эти сложности обусловлены канонами исторического повествования, требующими наряду с художественной выразительностью и правдивости изложения фактов, а если художественного домысла, то никак не грешащего против исторической истины. С другой стороны, немногочисленность документального материала об атласовском периоде, да и, собственно, первый «выход» на этот временной пласт обрекают писателя на роль первопроходца в конце XVII века, реконструирующего не только событийную канву, но и весь фон того периода, вплоть до незначительных деталей быта и языковых особенностей. Эта увлекательная и трудная задача требует немалой творческой смелости.

Давайте и мы отправимся в путь по страницам повести «Атаман».

...Анадырский острог. За частоклом убогой ограды — кучка рубленых наспех изб. В одной из них под грудой прокисших шкур мечется в беспмятстве анадырский приказчик Владимир Атласов. Готовится в церквушке к отпеванию пятидесятника священник. В смятении сотоварищи и недруги Атласова: близкая смерть его заставляет их как бы заново оценивать личность своего предводителя...

Такова прелюдия повести, динамично вводящая нас в жизнь русской крепостцы, затерянной в беспредельных пространствах чукотских хребтов и тундр. Погибнуть или выжить Атласову — от этого зависит судьба острога. Это знают все, ходившие под жесткой рукой атамана, человека властной хватки и острого ума.

Но выжил Атласов, поскольку было в нем «не только превосходство над своими товарищами, но и над смертью».

Таков «пролог» писателя в характер человека, волей якутского воеводы принявшего в 1695 году под свое начало Анадырский острог. Дальнейшее читателю еще предстоит узнать по ходу развития сюжета, с нетерпением ждатель вместе с Атласовым возвращения Луки Морозко, посланного атаманом к берегам далекой камчатской реки Тигиль, где не бывал еще никто из русских людей. А затем, когда тот вернется и поведаст, что Тигилем не кончается неведомая земля, — сопереживать вместе с пятидесятником, решившим с малым числом людей продол-

жить далее тропу, разведанную его сподвижником.

Сцены, предшествующие походу Атласова в камчатскую землю, написаны в достаточной мере ярко и убедительно. Уже здесь Евгению Гропянову удается показать недюжинного человека, который выполняет царский указ о «прииске новых земель» не только во имя служебного долга, но и по зову сердца. И в этом стремлении показать образ не однозначный, не схематический видится твердая позиция автора нарисовать характер, рожденный эпохой, характер дерзкий и настойчивый, властный и жестокий, но вместе с тем не лишенный привлекательных особенностей.

И это действительно так. Достаточно прочесть замечательные «скаски» о походах Владимира Атласова с их великолепным образным языком, точностью и выразительностью наблюдений и фактов, чтобы перед вами предстала одаренная натура гражданина, исследователя, воина.

ПОВЕСТЬ небогата событиями и героями. Наряду с реальными историческими лицами в ней действуют вымышленные персонажи. Органически вплетаются в ткань повествования фольклорные мотивы, элементы пейзажа, лирические отступления. Но автор пристально следит за своим героем, создавая для него такие коллизии, где Атласов «вынужден» раскрыться во всей своей противоречивости. Таковы сцены встречи с коряками и ительменами, где проявляются подлинно человеческие свойства его природы. И драматические эпизоды назревающего бунта обессиленных походом казаков, где автору удается разглядеть в своем герое черты, которые позднее описываемых событий приведут Атласова к гибели от рук сподвижников.

В повести немало авторских удач. Это сцены выхода казаков к берегам реки Камчатки, строительства первого камчатского острога, встречи с пленным японцем. И, наконец, сюжетная линия Худяка и Евфросиньи: ее художественно-драматургические достоинства порой выдвигают анадырские события на первый план, невольно заставляя забывать о главном в повести. Возможно, это произошло и потому, что именно в главном автору не удалось избежать описательности, очерковости.

Но вернемся к Владимиру Атласову и вспомним слова Ф. Энгельса, предостерегавшего от изображения исторических лиц «лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы». Думается, Евгению Гропянову, впервые взявшемуся за художественное осмысление крупной исторической темы, несмотря на некоторые просчеты, удалось добиться в повести главного — правдивости изображения. А это верный путь сквозь пласт времен и событий.

В. МАРТЫНЕНКО.